

Е. А. Земская. Современный русский язык. Словообразование. — М., «Просвещение», 1973. 304 стр.

Рецензируемая книга представляет собой систематическое изложение основных, прежде всего теоретических, проблем современного русского словообразования. Последние два десятилетия в отечественном языкознании характеризовались интенсивным изучением этого раздела науки о русском языке как в теоретическом, так и в практически-описательном аспектах; выкристаллизовалась проблематика, намечены основные пути и подходы к ее решению. Поэтому книгу Е. А. Земской — одного из наших ведущих специалистов в области словообразования — можно рассматривать как определенный итог большого периода исследований, отражающий достижения современной словообразовательной науки, как советской, так в значительной степени и зарубежной.

В самом начале книги автор обращает внимание на принципиальное различие между синхронным и диахроническим изучением словообразования, цели которых различны, как различно и содержание понятия производности слова в синхронии и диахронии. В дальнейшем это важнейшее противопоставление, определяющее подход к материалу, постоянно находится в центре внимания автора, который вместе с тем в ряде случаев показывает связь диахронических процессов с синхронно-словообразовательными свойствами производных слов (в этом свете полезно, например, рассмотрение понятий опрощения и переразложения, диахронических изменений степени членности слова, стилистических ограничений в сочетаемости исконно русских и заимствованных морфем и др.). Впервые в систематических курсах современного русского словообразования система способов синхронного словообразования отмежевывается от традиционного выделения четырех способов — лексико-семантического, лексико-синтаксического, морфолого-синтаксического и морфологического. Эту классификацию, основанную в значительной степени на диахронических критериях, предлагается относить к диахронии (стр. 169—171).

Другое важное исходное положение книги: синхронное словообразование «изучает целые серии (ряды) одинаковым образом построенных слов» и поэтому занимается не «конкретной лексической индивидуальностью» слова, а тем общим, типовым, что отражено в его строении. Задача словообразования — «изучение семантики слова в связи с его строением» (стр. 10). Формальная и семантическая сторона производного слова рассматриваются в книге в неразрывном единстве. Даже в случаях типа *катать* — *кататься*, *радовать* — *радоваться* и т. п., которые в работах последнего времени нередко трактовались как пары с проти-

воположным направлением производности по форме и по смыслу (глаголы без *-ся* по смыслу сложнее), автор склонен видеть большую семантическую сложность глаголов с постфиксом *-ся*. Последние с точки зрения словообразовательного анализа признаются «более сложными не только по форме, но и по смыслу: они содержат большее число значимых элементов (морфем); иными словами, способ подачи информации в таких словах, их внутренняя форма сложнее, чем у основ *катать* и *радовать*» (стр. 74); о большей же смысловой сложности глаголов типа *катать* можно, по мысли автора, говорить лишь с точки зрения лексической семантики. Тем самым справедливо обосновывается существование единой формально-смысловой производности в словообразовании.

«Серийность» производного слова предполагает, что значение морфем выявляется лишь в словах, входящих в двойные ряды соотношений (отвечающих «правилу квадрата»); только такие слова имеют первую (высшую) степень членности и содержат полноценные морфемы. С этим положением связано и учение о степенях членности слов, содержащих уникальные по форме и дефектные по смыслу морфемобразные отрезки (гл. III, особенно стр. 62—63).

Система понятий синхронного словообразования и морфематики получила в книге Е. А. Земской достаточно полное освещение. Остановившись на понятиях морфа и морфемы, на видах морфем русского языка, на соотношении членности и производности основ и критериях производности с синхронной точки зрения, автор затем посвящает самую обширную главу книги (гл. IV) морфологическим особенностям словообразования. Здесь введены такие важнейшие понятия морфологии, как морфонема и субморф, и подробно рассмотрены морфологические явления чередования фонем, интерфиксации, усечения производящих основ, наложения морфем, типы соотношения морфем одной морфемы и принципы отождествления морфем. То, что в книге широко представлена морфонология, — несомненное ее достоинство.

Полны по изложению и бесспорны по основным выводам главы, посвященные способам словообразования (гл. V), понятию словообразовательного типа и классификации типов (гл. VI). Обращает на себя внимание оригинальная разработка проблемы ограничений сочетаемости словообразовательных морфем (гл. VII); здесь рассмотрены ограничения семантического, формального, стилистического, лексического и собственно словообразовательного характера. В главе VIII,

посвященной понятию словообразовательной продуктивности, весьма плодотворным представляется разграничение (вслед за М. Докулилом) эмпирической и системной продуктивности и разработка признаков той и другой продуктивности применительно к словообразовательным типам. Основной характеристикой словообразовательных потенций типа с синхронной точки зрения оказывается его системная продуктивность, причем «обладающими высокой системной продуктивностью должны быть признаны типы: а) действие которых не имеет ограничений (...) в пределах определенного круга основ, б) не имеющие конкурентных синонимических средств или занимающие среди конкурентных средств ведущее место» (стр. 214). Понятия эмпирической и системной продуктивности используются далее при рассмотрении видов нарушения словообразовательных законов в окказионализмах (см. стр. 229).

В следующих главах речь идет о словах, образуемых для нужд определенного контекста и не являющихся принадлежностью системы языка. При этом противопоставляются так называемые «потенциальные слова» (гл. IX¹) и «окказиональные слова» (гл. X), причем последние понимаются как слова, образуемые с нарушением действующих в языке законов словообразования².

Последняя, XI глава книги носит описательный характер и посвящена краткому, но систематическому рассмотрению конкретных словообразовательных средств основных частей речи. В силу ограниченности места это описание, естественно, неполно, а в силу отражения пристрастий автора к отдельным конкретным «участкам» словообразовательной системы (например, к различным экспрессивным усечениям вроде *уникал*, *синхрон*, см. стр. 264) — и не очень равномерно. И все же обзор этот, являющийся естественным завершением книги и воплощением изложенных в ней теоретических положений, отражает основные существенные словообразовательные особенности частей речи, их своеобразие.

В целом книгу Е. А. Земской отличает полнота затронутой проблематики, стройность и логичность изложения, убедительность выводов, подкрепленных разнообразным и интересным материалом

современного словоупотребления. Но, наряду с этими неоспоримыми достоинствами, в книге можно заметить и отдельные неточности, не вполне ясные, а подчас и противоречивые высказывания. В значительной степени это объясняется объективными причинами — спорностью, неразрешенностью целого ряда актуальных вопросов русского словообразования и морфемики, и прежде всего словообразовательной морфологии. Отметим несколько таких спорных моментов.

Проводимое в книге разграничение суффиксов и флексий основано не столько на их месте в слове, сколько на значении: «словоизменятельные аффиксы служат для выражения грамматических значений, словообразовательные аффиксы — для выражения неграмматических значений» (стр. 28); «словоизменятельные постфиксальные морфемы называются флексиями, или окончаниями», а словообразовательные постфиксальные морфемы — суффиксами (стр. 30). Таким образом, никаких иных суффиксов, кроме словообразовательных, автор не допускает; не говорится в книге и о возможности существования грамматических значений, выражаемых несловоизменятельными средствами. В этой связи несомненно отношение автора к категории вида и способам ее выражения. На стр. 27 значение глагольного вида признается грамматическим. Естественно тогда считать постфиксальные средства его выражения флексиями. Однако на стр. 33 говорится, что *-вал(ть)* — суффикс, а на стр. 290 вновь речь идет о связи внутриглагольного суффиксального словообразования с образованием «форм вида», на основании чего автор даже отказывается от рассмотрения этих суффиксов в словообразовании. Но как это согласуется с отрицанием существования несловообразовательных суффиксов? Представляется, что место в слове — не менее важный критерий для разграничения видов аффиксов, чем их значение.

Характеризуя так называемые унификсы, автор в качестве первого их отличия от корневых и аффиксальных морфем указывает на то, что они не являются строительным материалом для образования новых слов, а лишь вычленились из состава готовых слов, которые не могут производиться в речи, а только воспроизводятся (стр. 54). Но, во-первых, этими же свойствами обладают аффиксы непродуктивных словообразовательных типов, так что нельзя считать данные свойства присущими только унификсам (по-видимому, дело не в них, а в других специфических чертах унификсов, о которых речь идет далее в книге); во-вторых, на стр. 58—59 говорится как раз о противоположном — о том, что унификсы нередко употребляются для создания речевых новообразований разного рода, а иногда даже новых терминов.

¹ Название этой главы — «Слова реальные и слова потенциальные» — вряд ли удачно, поскольку из него следует, что потенциальные слова нереальные, фиктивные; между тем они потенциальны только для языка, но не для речи.

² Наряду с таким пониманием соотношения потенциальных и окказиональных слов, возможно и другое, с нашей точки зрения, предпочтительное (см.: В. В. Лопатин, Рождение слова, М., 1973, стр. 70—71).

На стр. 56 читаем, что в словах типа *стеклярус* унификсу (в данном случае *-арус*) «нельзя приписать значения, выражаемого в данном языке аффиксально». С этим можно не согласиться, если учесть, что в русском языке имеются аффиксы, несущие самое общее значение отношения предмета к другому предмету (например, очень продуктивный суффикс *-ник*, общее словообразовательное значение которого нельзя сформулировать конкретнее). Подобное значение («нечто, имеющее отношение к стеклу») вполне можно приписать отрезку *-арус* в слове *стеклярус*. Поэтому будет, по-видимому, правильнее усматривать различие степеней членности слов с унификсами типа *поп-адья* и типа *стекла-арус* не в возможности (невозможности) приписать унификсу какое-либо аффиксальное значение, а в степени абстрактности приписываемого значения.

Уникальные элементы слов (унификсы и «уни-радиксоиды») трактуются как встречающиеся лишь в одном слове (см. стр. 53, 62). Это неточно: ср., например, *стеклярус* и *стеклярусный* (с унификсом *-арус*), *смородина* и *смородиновый* (с «уни-радиксоидом» *смород'*). Уникальность всех подобных элементов — не в том, что они встречаются только в одном слове, а в том, что они встречаются (возможно, и в разных словах) в сочетании только с одной морфемой основы.

В главе о морфологии словообразования вызывает удивление брошенное вскользь (в сноске на стр. 77) примечание: «Ударение также относится к области морфологии. Однако в русском языке ударение не играет важной роли в словообразовании. Поэтому в настоящей работе оно не будет рассматриваться». Примечание это дезориентирует читателей. Вопреки сказанному в нем, ударение (и прежде всего типы акцентной соотносительности производного и производящего слов) — одна из центральных морфологических проблем русского словообразования. Отсутствие сведений об ударении следует причислить к недостаткам книги.

Не кажется удачным с терминологической точки зрения противопоставление «грамматических (или морфологических, традиционных) чередований» и «позиционных (или фонетических) чередований», которые, как отмечает автор, лучше называть «позиционными изменениями звуков» (стр. 78—79). Ведь здесь же (см. стр. 78, 80, а также 163 и др.) неоднократно указывается, что и грамматические чередования обусловлены позицией, только позицией «не фонетической, а грамматической» (стр. 80). Те и другие чередования, следовательно, позиционны, различен лишь характер позиций.

В связи с явлением чередования гласных с нулем звука автор касается понятия

«глубинной структуры». «Морфонологическая структура основ», элементом которой является морфонема «гласная — нуль», трактуется здесь как глубинная структура, «являющаяся своего рода абстракцией», и противопоставляется фонологической структуре основ как «структуре поверхностной, доступной непосредственному наблюдению» (стр. 109). При такой трактовке встает вопрос о границах понятия глубинной структуры, столь популярного ныне в работах по словообразовательной морфонологии, но крайне расплывчатого по содержанию. Непонятно, почему морфонема, или ряд чередующихся в пределах одной и той же морфемы фонем, признается понятием глубинным, недоступным наблюдению. Почему, например, известный факт зависимости (хотя и не абсолютной) выбора префиксального морфа с конечной фонемой о или без нее от наличия в последующем корне беглого гласного (ср. *подобрать*, но *подбросить* и т. п.) следует интерпретировать как глубинный? Кстати, если уж говорить о не посредственном наблюдении, то и такие единицы, как фонема (а значит, и фонологическая структура основ), морфема (как совокупность морфов), слово (как совокупность словоформ), тоже представляют собой абстракцию. Не следует ли и их относить к глубинным структурам? Целесообразность столь широкого применения этого понятия далеко не очевидна.

Вызывает возражение и трактовка конкретного языкового факта, приводимого в этом месте книги для иллюстрации понятия глубинной структуры. Речь идет о наличии беглого гласного в системе склонения существительного *посол*, *посла* и об отсутствии беглости гласного в словах *посол*, *посола* (действие), что связывается с наличием или отсутствием беглости гласного в производящем глаголе (ср. *послать* — *посылать*, но *сол*, *посолить*). По мнению автора, при таком подходе нерегулярность оказывается мнимой. Эта нерегулярность была бы действительно мнимой, если бы все существительные (или хотя бы большинство существительных) подобной структуры (с нулевым суффиксом), производные от глаголов с морфемой «гласная — нуль» в корне, обнаруживали при склонении беглость корневого гласного. Но такой закономерности в языке нет: ср. хотя бы отглагольные существительные *зов*, *загон*, *отбор* и мн. др., лишенные беглости гласного в склонении; на фоне последних беглость гласного в слове *посол* (лицо) выглядит как раз незакономерным фактом.

На стр. 107 формальное различие алломорфов префикса *де-/дез-* (ср. *демитаризация*, но *деорганизация* и т. п.) трактуется как чередование «з — нуль звука», причем, по мнению автора, по-

явление *з* объясняется здесь «законами морфологии русского языка: согласный *з* устраняет зияние между гласными». Но и в данном случае такого закона нет: сочетание гласных на стыке префикса и корня в русском языке встречается достаточно часто (ср. *реорганизация, переориентация, переадресовать, доискаться* и т. п.).

На стр. 138 указано, что усечения производящих основ бывают 1) морфологические, 2) фонологические. Во втором случае речь идет об усечении основ несклоняемых существительных на гласный. Этот отсекаемый конечный гласный корня автор не считает субморфом, он просто «гласный». С этим трудно согласиться: любое усечение основы, если оно не определяется живыми фонологическими законами (т. е. характерно для стыка морфем, а не фонем), является м о р ф о л о г и ч е с к и м, причем конечные гласные основ несклоняемых существительных — тоже субморфы.

Следующее замечание относится к разграничению в книге явлений связанности корней (гл. III) и усечения производящих основ (гл. IV). На стр. 149 автор справедливо отмечает, что нет оснований считать словами со связанными корнями все те ряды однокоренных слов, в которых одно из слов является производящим для других, «но основа его входит в производные не целиком, причем отсекаемая часть неизвестна в составе слова и, следовательно, не является аффиксом» (имеются в виду случаи типа *скрипка* — *скрипач*, *утка* — *утиный*, *без пальца* — *беспальный* и т. п.). Однако значительно раньше, на стр. 67, речь шла о том, что отношения производности могут объединять слова со связанными корнями: *агитировать* — *агитатор*, *агитировать* — *агитация*. Очевидно, по мысли автора, случаи типа *агитировать* — *агитатор* принципиально отличаются от случаев типа *скрипка* — *скрипач*. Отличие это, по-видимому, усматривается (хотя прямо об этом в книге не говорится) в той незначимости отсекаемой части основы производящего слова, которая подчеркнута для случаев типа *скрипка* — *скрипач*. Но что, в таком случае, означает отсекаемый отрезок *-рова(ть)* в основе глагола *агитировать*? Ведь утверждение об одноподправленной производности (не равнопроизводности!) слов в паре *агитировать* — *агитатор* означает признание глагола *агитировать* непроизводным словом, т. е. таким, в котором «связь между значением слова и его строением отсутствует» (стр. 9). Поэтому у отрезка *-рова(ть)* в глаголе *агитировать* можно предполагать лишь какое-то весьма общее значение глагольности, процессуальности; но не обладает ли подобным же значением «субстантивности» отрезок *-к(а)* в словах *скрипка*, *утка* и т. п.? Вопрос остается открытым.

Введя понятие субморфа, автор нигде прямо не пишет об отношении этой единицы к морфеме. Так, на стр. 81 читаем: «Это единицы более низкого уровня, чем морфы. Субморфы тождественны морфам данного языка, но только по форме. Значения в слове они не имеют»; на стр. 140: «Усекаемые отрезки являются суффиксами или субморфами существительных», и т. д. Всюду автор как будто избегает расстановки точек над *и* в вопросе об отношении субморфа к морфу, и читателю остается только гадать, чем же все-таки является субморф: морфом ли особого рода (может быть, и не очень полноценным, но ведь о разного рода «ущербных» морфемах в книге тоже говорится немало), частью ли морфа или, может быть, межморфной «прокладкой» вроде интерфикса (ведь интерфиксы в концепции автора тоже неизвестны). Единственное место книги, по которому внимательный читатель может сделать косвенный вывод о том, что субморф является частью морфа (в данном случае корневого) — это характеристика морфов типа *редк-/ред-* (ср. *редкий* и *разредить*) как неусеченного и усеченного (см. стр. 165). Однако естественно было бы прямо сказать уже при определении субморфа об отношении его к морфу.

Еще одна заметная недоговоренность касается статуса так называемых тематических элементов глагольной основы, их места среди других элементов структуры слова. А между тем это один из важнейших вопросов, который невозможно обойти даже в элементарном (школьном) курсе словообразования. Автор лишь мимоходом упоминает тематические гласные инфинитивных основ глагола: на стр. 144 отмечается, что в глагольных основах «подвергаются усечению только глагольные суффиксы или тематические гласные». Из этого упоминания можно заключить, что автор либо считает «тематические» элементы глагольных основ, не являющиеся словообразовательными суффиксами, интерфиксами (что, однако, маловероятно, поскольку в книге допускается существование интерфиксов лишь как отрезков, используемых при образовании производных слов: см., например, стр. 131)³, либо видит в них особый тип морфем, отличный от суффиксов (но тогда о них следовало бы сказать в разделе, посвященном видам морфем), либо особый тип субморфов.

По поводу рассмотренных в книге принципов отождествления морфемы хотелось бы сказать следующее. В начале книги выдвигается в качестве критерия алло-

³ Наше отношение к понятию интерфиксов излагается в ст.: В. В. Лопатин. Так называемая интерфиксация и проблемы структуры слова в русском языке (в печати).

морфий принцип дополнительной дистрибуции: разные морфы не могут занимать одну и ту же позицию (стр. 20). Однако в дальнейшем, справедливо отмечая, что по сравнению с фонетической позицией морфологическая и грамматическая позиции менее всеобщы и иногда допускают исключения (например, в области чередований, см. стр. 161), и не менее справедливо считая, что понятие грамматической позиции предполагает обобщение каких-то условий функционирования лингвистической единицы и потому не допускает лексического (словарно заданного) распределения, автор предлагает по сути дела другое, менее строгое, чем дополнительная дистрибуция, понимание распределения алломорфов: «в распределении таких единиц существуют закономерности, которые могут быть изложены в виде правил» (стр. 168) ⁴.

Правильно подчеркивая, что морфы, выбор которых определяется фонологической позицией (т. е. морфы типа [дубы] — [дуп], различающиеся не фонемами, а аллофонами), являются уже по сути дела не разными морфами, а фонетическими разновидностями одного морфа, единицами фонетического уровня (см. стр. 162), автор, однако, не только рассматривает (вряд ли оправданно) подобные «морфы» среди типов позиционного противопоставления морфов одной морфемы, но и называет их неоднократно (наряду с «разновидностями морфа») «морфами» и «алломорфами» (например, на стр. 157, 164), чем очень затрудняется изложение в этом разделе.

Не вполне обоснованным представляется понятие «чередования морфем»,

⁴ Такое понимание вполне соответствует, например, тому, которое предложено в «Грамматике современного русского литературного языка» (М., 1970, стр. 33).

используемое на стр. 163—164 применительно к случаям типа *-а/-и* (наречные суффиксы, которые автор считает морфами единой морфемы: ср., например, *броск-о* и *дружеск-и*). До сих пор в книге шла речь только о чередовании фонем, причем справедливо отмечалось, что чередование — это регулярное, повторяющееся явление («единичность, неповторяемость противоречит самой сущности явления чередования» — стр. 80). В данном же случае, судя по приведенному примеру (а другого не приведено), трудно говорить о какой-либо регулярности мены фонем. Можно ли вообще называть мену *о-и* в данном примере чередованием и стоит ли за ней мена морфем, а не фонем, — это требует дополнительной аргументации.

Жаль, что в книге не получило специального рассмотрения понятие словообразовательной цепочки (или цепи), связанное в свою очередь с такими понятиями, как степени производности, непосредственная и опосредствованная производность (мотивированность), с понятием словообразовательного гнезда (единичная словообразовательная цепочка *писать* → ... → *переписывание* изображена на стр. 14, а сами термины «словообразовательная цепь», «исходный член цепи» единственный раз применяются — без определения их — на стр. 70). «Гнездовая» проблематика не затрагивается автором, но думается, что хотя бы определение словообразовательного гнезда как особой единицы словообразовательной системы языка следовало бы в книге дать.

Книга Е. А. Земской — заметное явление в современной словообразовательной науке. Выход ее, несомненно, будет стимулировать дальнейшие исследования в этой области.

В. В. Лопатин

V. Grinaveckis. Zemaičių tarmių istorija (fonetika). — Vilnius, «Mintis», 1973, 370 стр.

Исследование литовских диалектов, как известно, очень важно для изучения истории не только балтийских языков, но и славянских, а также других индоевропейских языков. Всестороннее исследование диалектов тем актуальнее, что процесс нивелирования говоров в настоящее время становится особенно интенсивным. Среди литовских диалектов особого внимания заслуживает жемайтское наречие, на котором говорит население северо-западной части Литовской ССР. На этой территории в течение нескольких столетий исторические события оказывали заметное влияние на язык местного населения. Жители данной местности тесно

контактировали с древними куршами, пруссами и другими балтийскими племенами. Кроме того, здесь сказалось влияние немецкого языка, так как западная часть территории (Клайпедский край) почти 700 лет находилась под игом немецких властей.

Исследователи литовского языка посвятили немало работ жемайтскому диалекту, но это в основном были труды, в которых рассматривались современные языковые системы отдельных жемайтских говоров. В балтийском языкознании до сих пор еще не было исследования, охватывающего языковую систему всего жемайтского наречия в его историческом